Соболев Николай Георгиевич

«Вначале мы неправильно просили милостыню»

Я родился 8 декабря 1929 года в Ленинграде, и когда началась война, мне было 11 лет. В нашей семье было пятеро детей, я - самый старший. Самая маленькая сестренка, которой было несколько месяцев, умерла еще в первый месяц войны. Мы жили по адресу: Кондратьевский пр., дом 75, квартира 3. Еще перед войной брата и сестру увезли на лето к родственникам, где они находились всю войну, а я, как самый старший, остался в городе с младшей сестрой. В начале войны меня вывезли со школой загород. Куда вывезли - не знаю, помню только, что ехали на поезде. Но уже скоро мама приехала и забрала меня назад.

Осенью 1941 г. к нам во двор пришли солдаты и начали строить ДЗОТ с ходом сообщения и блиндажом. Во время воздушной тревоги мы всем домом прятались именно там. Дом, в котором мы жили, был деревянный и двухэтажный, он стоял на том месте, где сейчас проходит высоковольтная линия, рядом росли три лиственницы (к сожалению, сейчас сохранилось только одно дерево). Солдаты, которые строили ДЗОТ, иногда отдавали нам свои талоны на питание и тогда мы с другими ребятами ходили обедать в столовую неподалеку.

В сентябре начались занятия в школе, а когда стало совсем тяжело, они прекратились сами собой. До войны я успел закончить три класса. Школа, в которую я ходил, находилась на пересечении Бестужевской улицы и Кондратьевского проспекта - в том же здании, где сейчас размещается милиция.

Когда началась блокада и пошли морозы, возникли проблемы не только с едой, но и водой. Водопровод не работал, и нам приходилось собирать и растапливать снег.

Один раз около нашего дома остановилась машина со звукоуловителем. Ее было очень удобно спрятать, так как наш дом был в форме буквы «Г», и машину не было видно с улицы. Она простояла всего один или два дня, а потом уехала. Немцы очень охотились за этими машинами из-за того, что они могли заранее предупредить о приближающемся самолете, и именно поэтому никогда долго не оставалась на одном месте. Прошло буквально несколько часов, и прилетел вражеский самолет – он вычислил, где стояла машина, и прилетел бомбить ее. Была ночь и все спали. Мы проснулись от страшного грохота. Выскочив, мы даже не смогли найти ступеньки лестницы – вокруг ничего не было видно из за штукатурки, осыпавшейся со стен дома. Все стекла в окнах повыбивало взрывной волной. Чудом бомба не попала в наш дом, она упала через дорогу, напротив него. От взрыва образовалась огромная воронка, в которой начала скапливаться вода, жители всех окрестных домов приходили и брали там воду. Благодаря воронке, проблемы с водой были решены.

Другая проблема была с едой. Ее так просто нельзя было решить – в осажденном городе продуктов практически не было. Я и моя сестра выжили благодаря тому, что наш отец (погиб в 1942 году), работавший до войны на вагоностроительном заводе, подрабатывал столяром, и в нашем доме был небольшой запас костного клея. Мы варили его, как студень, с разными приправами, остужали, а потом ели. Тогда, в голодные блокадные дни, эта еда казалась нам безумно вкусной. Но, тем не менее, это не спасло нашу маму. Она работала на государственном оптико-механическом заводе (ГОМЗ) им. «ОГПУ», и хоть и была на казарменном положении, приходила к нам каждый день, пробираясь по снегу через весь город, и приносила часть своего пайка. Так продолжалось всю зиму. В самом начале весны 1942 года ее не стало. Соседи сразу же отправили сестру в детский дом, а

я оставался дома один, пока не закончились мамины хлебные карточки. Потом соседи отправили меня в детский дом, а маму положили на саночки и куда-то отвезли. До сих пор я не знаю, на каком кладбище, Богословском или Пискаревском, она была похоронена.

Еще одно страшное воспоминание о том дне, когда нас с сестрой перевозили по Ладожскому озеру на Большую землю. Была поздняя весна, лед еле держался, колеса нашего автобуса, в котором не было ни дверей, ни стекол в окнах, были полностью под водой. Было очень страшно. Машина, которая ехала перед нами, ушла под лед, никто не спасся. Вокруг нас стоял грохот от взрывающихся авиабомб – нас постоянно обстреливали. Чудо, что мы выжили в тот день.

Когда нас перевезли на Большую землю и посадили в вагоны поезда, нам всем дали по большому куску булки с толстым слоем масла. Вот это было пиршество! Но воспитатели постоянно ходили и повторяли, чтобы мы не ели слишком быстро.

После эвакуации нас с детским домом отвезли в Краснодарский край. Часть пути эшелон сопровождали наши самолеты. Внутри вагоны были очень комфортные, такие же, как в поездах дальнего следования.

В середине лета мы снова оказались под немцами. Снова стало не хватать еды. Помню такой случай. Шли мы как-то с приятелем по улице, вдруг смотрим - на окне дома, в котором жили немцы, снаружи стоят банки с заготовками. Мы схватили одну - и бежать. Убежали, раскрыли банку, а там мед. Тогда мы и не думали, что нас убить могут за такое, даже потом назад вернулись, но все банки уже убрали.

Иногда мы ходили по станицам просили милостыню. Нам не разрешали это делать, поэтому мы собирались и уходили из детского дома потихоньку, чтобы никто из воспитателей не узнал. Вначале мы неправильно просили милостыню, мы просто спрашивали: «Нет ли у вас кусочка хлеба?» - и нам никто ничего не давал, потому что у самих практически ничего не было. Потом один дедушка сказал нам, что надо говорить: «Подайте ради Христа кусочек хлеба!» - и тогда нам никто не откажет. Так и вышло. Так как была зима, а у каждого обычно было только что-то одно из зимней одежды, то приходилось остальное брать у других. У меня было пальто, а ботинки, шапку и прочее приходилось просить у других ребят, а взамен отдавать несколько кусочков хлеба за каждую вещь. Если замечали, что принес хлеб, то его тут же отбирали, поэтому хлеб приходилось прятать. Я прятал так: под матрас клал пальто полой к стенке, в полóе был спрятан хлеб. Сверху укладывал матрас и постельное: ничего не видно, но легко достать.

Каждый вечер всем детским домом мы садились за длинный стол, на котором было рассыпано сорное зерно. Мы его перебирали, и из той крупы, которой оказывалось больше, нам варили кашу. Даже не знаю, откуда брали это зерно, но предполагаю, что этим зерном немцы кормили своих лошадей, и каким-то образом детский дом доставал немного.

В начале 1944 г моя бабушка, которая жила в Рыбинске, нашла меня и прислала в детский дом вызов. В городе меня устроили по знакомству на работу, так как у меня не было документов, и мне было всего 14 лет. Я работал электриком на комбикормовом заводе. Поскольку еще шла война, и людей не хватало, то мне приходилось работать по 10 часов в день. Потом я работал токарем на крупнейшем в городе авиационном заводе. С этого завода не увольняли, и поэтому, как только мне пришла повестка, я сразу же ушел в армию, где выучился на водителя. После армии я вернулся в Ленинград, женился. Я сменил

несколько мест работы. На последней работе – Авторемонтном заводе, который находился на Московском проспекте, я проработал чуть более сорока лет. Несмотря на возраст (в декабре 2010 года мне исполнился 81 год), я работаю в охране ООО «Солярис».

Сейчас я живу в Санкт- Петербурге. У меня есть дочка, внучка и правнучка. Также в Петербурге живет одна из моих сестер. Брат, который, как и я, жил и работал в Ленинграде, уже умер. Моя самая младшая сестра сейчас живет в Ростове-на-Дону, так как ее удочерили и забрали из детского дома приемные родители. В 2008 году я вместе с семьей, на основании похоронки, пришедшей с фронта, нашел место захоронения моего отца на братском кладбище города Волхова, где проходил Волховский фронт.